

ЧЕЛОВЕК 2. 2014

“ВСЮДУ ЖИЗНЬ...” ЗАПИСКИ ЛИКВИДАТОРА

© 2014

М.А. Пронин

Представить Чернобыль как проявление человеческой экзистенции, показать жизнь человека-ликвидатора в состоянии пограничной ситуации — неожиданная, если не чересчур смелая задача. Но 25-летний опыт наблюдения того, что происходило в Зоне и вокруг нее, вдохновляет меня взяться за перо. Для многих Чернобыль сегодня — это экзистенция жизни и антропологическая константа. Не только для ликвидаторов, к коим принадлежу и я, но и для тысяч людей, проживающих на загрязненных территориях или переселенных с обжитых мест.

Долгое время то, что случилось на Чернобыльской АЭС в ночь на 26 апреля 1986 года, официально считалось *аварией*. Поэтому и существовала аббревиатура ЛПА (ликвидация последствий аварии) на ЧАЭС. Но когда через пять лет был буквально с боем принят “Чернобыльский закон”, происшедшее наконец-то назвали *катастрофой*. Пока существовал Комитет, занимавшийся соответствующей проблематикой и загрязненными регионами, было одно, а нынче — уже иное...

Как я встретил Чернобыль

Я отдежурил 26 апреля 1986 года в Центральном военном научно-исследовательском авиационном госпитале (ЦВНИАГ), когда пришло известие, что наша смена должна остаться на службе. Возможно массовое поступление больных. Каких, откуда — не сообщалось.

День прошел в ожидании. Помню, что спать хотелось неизменно. К вечеру услышал то самое слово: Чернобыль, Чернобыльская атомная электростанция. Ближе к ночи нас отпустили домой.

Наутро сверху поступила команда: “Готовиться, будут пораженные...” Обсудив ситуацию, руководители — начальник лаборатории функциональной диагностики Коледёнок Васи-

**ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ
СИТУАЦИЯ**

**Пронин
Михаил
Анатольевич** — кандидат медицинских наук, руководитель исследовательской группы “Виртуалистика”, старший научный сотрудник Института философии РАН. В журнале “Человек” публикуется впервые. E-mail: virtus@mail.ru

151

лий Иванович и его заместитель Захаров Валентин Павлович, — поддержали мою идею обследовать тех, кто к нам попадет, “по полной программе”: измерить и проверить “все, что можно”.

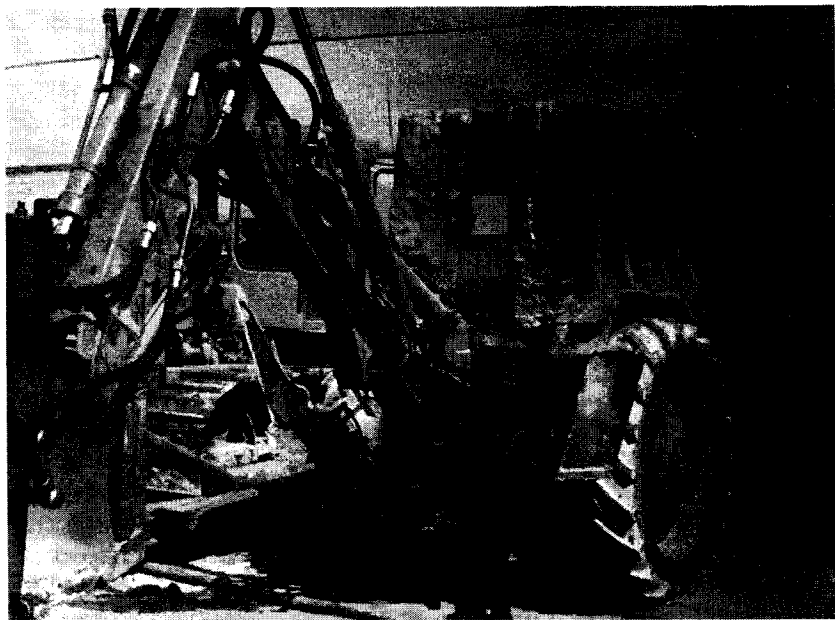
На следующий день к нам стали поступать первые экипажи вертолетов радиационной и химической разведки. За ними потянулись и остальные. В общей сложности за май через наши руки прошло более 100 человек. Исследовательская нагрузка была огромной. Каждого мы осмотрели трижды: при поступлении, через неделю-другую и при выписке.

Через пять лет, заканчивая свое диссертационное исследование, я уже мог сказать: подобных данных не было собрано никем ни до, ни после аварии. На 2-й (3–5-й) день после начала работы и облучения люди поступали к нам в стационар и проходили углубленное медицинское обследование. Все обследованные относились к одной профессиональной группе, работали в один и тот же острый период аварии, в одних и тех же условиях. Результаты охватывали период со 2-го по 30-й день от начала облучения с пролонгированным медицинским обследованием через полгода и год.

Работа эта на момент защиты диссертации стала открытой. Результаты моего исследования докладывались на заседании Верховного совета СССР. Они послужили основой и весомым аргументом для создания сначала специализированного отделения радиационной медицины при кафедре военно-полевой терапии Военно-медицинской академии, а затем и Всероссийского центра экологической медицины (ныне — Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А.М. Никифорова МЧС России).

Полномасштабное обследование вертолетчиков было инициативой “снизу”. Если бы мы не сделали свое дело вовремя, его бы уже не сделал никто. В этом заслуга всей лаборатории функциональной диагностики ЦВНИАГ. Первоначально вертолетчики “молчали как партизаны”. Сообщали только дозы облучения и количество полетов в день. Как вам 22 вертолето-вылета за день при норме, если мне не изменяет память, согласно наставлению по организации полетов, не более 2–4-х? Да и летный день, прямо скажем, был ненормативный — до 18 рабочих часов!

Потом, когда по телевизору показали прогревочные кадры на весь мир кадры съемок с воздуха разрушенного 4-го энергоблока, появились первые подробности. Высота трубы АЭС — 150 метров, высота полета — 200 метров, бортовые радиометры на 250 рентген/час зашкаливают, температура в факеле от реактора — за 80°C. Сегодня в Интернете можно найти и другие цифры высоты полетов, температуры за бортом, уровней радиации, но суть одна — залетаешь в “сауну”. А надо еще зависнуть и выбросить мешки с песком и свинцом в реактор... Во рту постоянный привкус металла. Сам реактор светится.

М. Пронин
“Всюду жизнь...”
Записки
ликвидатора

Трактор
“Беларусь”,
обвешанный
свинцовыми
листами

На вопрос “Не рванет ли?”, — доносятся успокаивающие слова физиков-ядерщиков: “Это нормально. Когда уровень радиации выше 10 000 рентген, то идет ионизация воздуха и может возникнуть свечение. Мужики, не переживайте, это нормально...”

После таких “нормальных” условий к нам люди и поступали. И чем вымывать нуклиды? Да ничем: аскорбинка и поливитамины, и природное здоровье.

Практически все вертолетчики перед Чернобылем прошли через Афганистан. Прибыв на плановое медобследование через год, они заодно проходили и освидетельствование на предмет годности к работе в стране с горно-пустынным климатом. Все знали, что за такой формулировкой скрывается Афган. В жизни так бывает всегда: кому-то достается все сразу.

Еще одна иллюстрация. В сентябре 1986 года в прессе промелькнула заметка о том, что один из милиционеров, охранявших ЧАЭС в ночь на 26 апреля, получил в награду путевку на морской круиз на пассажирском теплоходе “Адмирал Нахимов”... И остался жив, спасал других пассажиров!

1986—1987 годы у меня ушли на сбор материалов. Перед переходом в Войска радиационной, химической и биологической защиты (РХБЗ) я успел прикрепиться внешним соискателем к кафедре военно-полевой терапии родной alma mater — Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова в Ленинграде. В ЦВНИАГе никто не любопытствовал — человек уходит, его “соискательство” никому не мешает. Так волею случая я попал в лучший научный центр Министерства обороны (МО) СССР.

Я еду в Чернобыль

Мой переход в июне 1987 года из Военно-воздушных сил в войска РХБЗ вызвал беспокойство у мамы. Через пару дней службы на новом месте она спросила: “А тебя в Чернобыль не пошлют?” Сказал, что не знаю, пообещал выяснить. На следующий день я это и сделал. Каков же был ответ?

— И не мечтай! Это только как поощрение! Только для старших офицеров, и те стоят в очереди!

Тогда я такого не ожидал... Но сегодня могу признаться: как там — и по интересу, и по отдаче, и по задачам, и по атмосфере, — я никогда и нигде больше не работал. До сих пор вспоминаю ту пору как лучшие месяцы моей жизни. И такие ощущения, впечатления и воспоминания — не у меня одного.

Мама оказалась права в своих опасениях. Из 600 тыс. человек, прошедших через Чернобыль за пять лет с начала событий, более 20 000 были солдаты срочной службы и курсанты военных училищ — в основном войск РХБЗ. Потом вышел негласный приказ, — мужчин моложе 30 лет, не имеющих детей, в Зону не посылать. Я был холост, без детей, моложе 30, так что побывать в Чернобыле мне не светило, и я про него, как мне посоветовали, не стал мечтать. К тому же мне необходимо было влиться в новый коллектив, в новый круг задач, в особенности работы в лучшем научном центре МО СССР..

В июне 1988 года, сидя за чашкой чая, который мы традиционно пили всем коллективом в 11 часов утра, зам. начальника отдела по-военному мило задал мне вопрос:

— А ты что здесь делаешь? Почему не на медкомиссии?

— Какой медкомиссии? — переспросил с удивлением я.

— Чернобыльской! — ответил он.

— Так я об этом ничего не знаю...

— Теперь знаешь. Допивай чай и поезжай в поликлинику.

С июля — ты в Чернобыле.

К тому моменту уже наладилась система смены личного состава специальной группировки войск. 2–3 моих сослуживца сменяли друг друга каждые 3 месяца в Научном центре (НЦ) МО СССР, дислоцированном в Чернобыле и на базе санатория ВВС в городе Ирпень, что под Киевом.

Медкомиссию я не прошел: анализы крови оказались плохими — обнаружился лейкоцитоз (повышенный уровень лейкоцитов). Это нередко бывает на фоне острой вирусной инфекции (ОРВИ), которую я “подцепил” летом.

Разговор с врачом оказался короткий:

— Пересдашь анализы через неделю — тогда посмотрим.

Посмотрел я на другое: ехать в Чернобыль в октябре—ноябре и встречать там Новый год — смена длилась три месяца, — мне никак не хотелось. В списке есть другие кандидаты — поедет кто-то другой, а мне тогда точно светит зима и Новый год. Пораскинув мозгами, я попросил бланк с результатом анализа

и сказал, что схожу в лабораторию для пересчета лейкоцитов. Терапевт согласился. Выйдя из кабинета, я исправил жирно значение на нужную цифру и подчеркнул ее два раза. Все-таки я же врач — знаю профессиональные стереотипы. Затем пообщался с коллегой, проходившим медкомиссию вместе со мной, — у того оказалась плохая электрокардиограмма. Поделился с ним “зимней перспективой”. Показал “хорошие анализы”... Коллега почему-то зиму в Чернобыле тоже сразу невзлюбил. Ему захотелось получить “хорошую” ЭКГ, чтобы ехать сейчас — в июле. Я подсказал ему, что надо сделать. Через полчаса мы были уже здоровы и годны к работе с ионизирующим излучением.

В ноябре, когда я вернулся, было принято решение свертывать группировку войск в 30-километровой Зоне, и те, кто должен был ехать к нам на смену, никуда не поехали. Так что не исправь я анализ крови — не писать мне воспоминаний.

Спустя много лет я обменялся историей отъезда с еще одним ликвидатором. Тот скептически заметил:

- Зря. Надо было зимой ехать. Безопаснее.
- Почему? — переспросил я.
- Пыли нет, все снегом засыпано.

Признаюсь, я опешил. Будучи уже кандидатом наук по чернобыльской тематике, я до такого не додумался.

Своему отъезду я был рад. Переход на новое место службы оторвал меня от диссертации. Работа с военно-промышленным комитетом ЦК КПСС, Министерством иностранных дел, институтами 3-го главка Минздрава, институтами МО СССР — потребовали полного погружения. Год я наукой толком не занимался, разве что чтением литературы, да и то урывками, и подготовкой материалов к обработке на ЭВМ (персоналок тогда еще не было, все серьезное “считалось” на больших машинах — ЕС ЭВМ 1022). Появилась возможность, как я надеялся, посмотреть на все воочию, почитать отчеты, поработать над диссертацией плотнее...

Чернобыль: будничные этюды

Поселили меня на берегу Припяти на лодочной станции, прозванной “Лодкой”. Досталась комната для командированных. Когда я решил навести в ней порядок, то насчитал у себя под кроватью 22 пары тапок. Человек собирается домой, сбрасывает тапки ногами под кровать, обувается и уезжает... Когда настало время отъезда, я решил повторный отсчет не начинать и отнес свои на помойку.

Мне приходилось каждое утро топтать по городу пешком до своего отдела, а вечером возвращаться назад, поэтому контакт со “своими” был почти исключительно рабочий. С “лодочниками” также не удавалось толком пообщаться — утром ушел, вечером вернулся и лег спать. Соседи по комнате менялись. Рабочее одиночество: свой среди чужих, чужой среди своих.

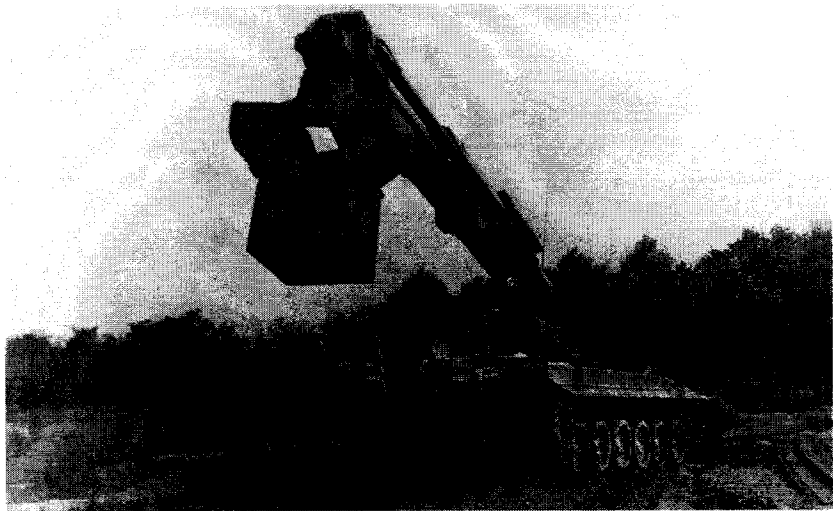

Город. Все ходят “перпендикулярно”. Не видели такого? Непонятно, что означает? Просто люди не срезают углов, все ходят только по асфальту, поэтому газоны как живые. Ягоды и фрукты никто не срывает. Серость асфальтовой дорожки резко перебивают мазки импрессионистов. Над тротуаром кисти шелковицы почти с кулак. Они падают под своей тяжестью, и их просто давят. Смотришь на буйство плодоносных садов — практически везде частный сектор, — захватывают два чувства — восхищение и боль. В то время была популярна песенка “Яблоки на снегу — розовые на белом...” Чернобыльцы понимали, что это почти гимн ликвидаторов. Да и детская загадка “Висит груша — нельзя скушать!” получила новую, не менее грустную отгадку.

Работали Дом культуры и в нем библиотека. Но книги можно было читать лишь в зале: переменному составу из военных на руки их не выдавали. Читальный зал был пуст, когда я в него заглянул. Кино как-то я ни разу не посмотрел — не знаю, крутили ли его, — но на концерте местного барда из украинского клуба самодельной песни я побывал. Пел он весьма задушевно, особенно о “чернобыльских принцессах”, что, мол, любая страшила здесь просто королева. В этом действительно была доля горькой правды — на фоне дефицита женщин последние красотой как-то не очень блистали, но мужским вниманием пользовались бешеным. Чернобыльские стихи в распечатках на ЭВМ были в цене и рассматривались как валюта наряду с алкоголем. В Зоне был сухой закон, а по всей стране в то время водка продавалась по талонам. Храм был закрыт. Сказывали, что батюшка временами наведывается, во что верилось с трудом. Свободного, празднующегося люда практически не было. Собственно, все. Ходить некуда. Из развлечений — столовая, баня да телевизор.

Кормили бесплатно, целый день с утра до вечера. Вполне прилично. Ближе к отъезду, к осени, стали вводить талоны. В столовой с удовольствием можно было выпить чай и компот. Вот рецепт самодельного чернобыльского чая. Берете бутылку “Нарзана”, “Боржом” или “Полюстрово” и заливаете в чайник. Можно и смешать — поколдуйте с купажом. Кипятите, завариваете. Через пять минут чай готов. Можете пить! Попробуйте для интереса.

Вся вода была привозная, хотя коллеги на местной санэпидстанции утверждали, что воду из водопровода они сами пьют. Чай из их водопровода я попил, но из своего по возвращении уже не стал: мало ли что по пути с водой могло случиться. Так что через неделю на фоне потребления лечебных минералок я вдруг ощутил, что компенсаторно желудок начинает повышенно вырабатывать желудочный сок. Изжога невыносимая. Выпьешь — погасишь кислоту, а она еще сильнее вырабатывается. Уловил, что порочный круг образуется — бросил пить эту воду. Дня три ходил с “горячим желудком”. Еле перетерпел. Так что

М. Пронин
“Всюду жизнь...”
Записки
ликвидатора

Вывоз
радиоактивного
грунта в
контейнерах

вода — вот она, — лето, жара, а пить не можешь! Поэтому “Фанта”, “Пепси” и прочие простые лимонады были в огромном дефиците, а обыкновенную питьевую воду в бутылках тогда в СССР еще не выпускали. Через пару недель чай на “Боржоме” после кипячения пился уже легче.

Баня имела два отдела: “душевая с тазиками” и сауна. Признаться, в первом не был.

Лето, жара. Все что можно стараются полить водой, и перед входом в каждый дом ванночка или противень с проточной водой — обмыл ботинки, вытер ноги о тряпку и только после этого зашел в здание. Плотку у меня, на фоне удаленных миндалин и фарингита, драло постоянно. Решил закапывать масло в нос. За этим, собственно, я и зашел в аптеку. Масла там не было — ни облепихового, ни персикового, никакого другого. Благо, хоть пару пипеток купил — решил, что в столовой растительного возьму. Но чудо! Вижу скромно так в уголочке, не на виду, стоит медицинский коньяк — настойка боярышника. Купил почти целую коробку — забрал все, что было. С боем, но продали — помогли медицинские петлицы и аргумент: “Отдадите все — и проблем нет, нечего будет у вас просить!” Еще купил закуску — поливитамины “Гексавит”. Что делать с медицинским коньяком, я уже знал.

Радостно пошел в столовую, налил себе пузырек масла, что стояло на столах. Пугать никого не стал — решил закапать у себя дома. На “Лодке” меня ждало разочарование. Масло, на вкус вполне съедобное и свежее, “на нос” проверку не прошло: прогорклость, горечь, раздражение и жжение до слез! Пришел в столовую ужинать:

— Мужики, — говорю, — замените масло. Плохое!

Ругался с поварами несколько дней. Наконец, собралась вся бригада — явно меня ждали, чтобы дать коллективный отпор.

Прокладка
подъездных путей
к станции

— Слушай, перестань — нормальное масло! Мы все пробо-
вали!

А я им:

— Поганое масло!

Наконец с их стороны прозвучал вопрос:

— А ты, вообще, что с ним делаешь?.. Зачем оно тебе?

— В нос закапываю!

Тишина.

— Зачем?

Объясняю. Один из поваров отделяется от коллег и с ог-
ромным интересом спрашивает:

— Помогает?

— Должно. Но от того, что стоит на столах, только хуже де-
рет.

— А у меня уже здесь второй год горло болит, не переста-
вая, сил нет. И врачи ничего порекомендовать не могут...

Показываю на свои медицинские петлицы, еще раз объяс-
няю величие замысла, в итоге дарю свою пипетку.

На следующий день меня встречает счастливый товар и ра-
достно подтверждает:

— Дерет!.. А вот это нормально! — и достает из-под при-
лавка трехлитровую банку растительного масла. Еле отказался
от такого объема, но в знак благодарности мне все же всучили
пол-литра. Думал лишнее, но коллеги, услышав историю, разо-
брали излишки — пришлось вновь идти за маслом.

Мой рассказ — от лица человека военного (гражданские
специалисты жили своей особой вахтовой жизнью), который
имел возможность относительно свободно перемещаться по

городу. Все передвижения войск происходили исключительно организованно. Поэтому сходить “за пипеткой” в аптеку для многих было недостижимой мечтой.

У меня был пропуск в Зону и из нее. Рядового ликвидатора (даже старшего офицера) выпускали по одноразовому списку и выпускали так же. Особый режим: не зайдешь, не выйдешь — еще штрих к атмосфере. Кстати, пропуск в Чернобыль “работал” по всей стране. За время чернобыльской командировки я побывал в Киеве, Каниве, Ленинграде, ездил в Белую Церковь и Белоруссию. Приедешь, покажешь его на проходной в нужной организации, скажешь, что необходима помощь, и тебя уже ведут к руководителю. В ликвидации последствий катастрофы принимала участие вся страна, чем кто мог помочь — помогали. Искренне. Смотрели как на человека, если не с того света, так из той части мира людей, которых нет “ни среди живых, ни среди мертвых”.

Признаюсь, несколько раз я использовал пропуск “в корыстных целях”: подходил к администраторам в киевских кинотеатрах и просил контрамарку. Тогда, помню, вышла на экран “Асса”. Другие фильмы в памяти не остались.

Пропуск сыграл со мной злую шутку. Из-за него меня не включали в приказы на проезд в Зону, и сейчас по документам значится, что я был в ней всего 12 дней.

Каждый день, пока я первый раз был в Зоне, подходил к дозиметристу за дозиметром. Согласно наставлениям, индивидуальный дозиметр полагался лишь офицерам. Рядовые получали таковой на отделение — на 12 человек. Поэтому измерялась “средняя температура по отделению” (у гражданских на станции было по-другому). Сегодняшний скепсис чиновников и их доклады про то, какие дозы люди получали, — это рассказы. Сначала создается система, в которой ничего не измеряется и не учитывается, а потом чернобыльцу этим же пеняют. Так вот, день на седьмой дозиметрист-таки сжалился, снял свой дозиметр и повесил мне на грудь.

— Вот, дорогой, носи — свой отдаю!

Я ему не поверил, тут же снял дозиметр и разобрал. Вместо трех полагающихся таблеток в нем были лишь полторы обломанные. Свинство. Пока я разобрал дозиметр — дозиметрист сбежал. Через день я его увидел, подошел и, напомнив об обещании отдать свой дозиметр, стал его снимать. Сцена незабываемая! Подозреваю, что так же отчаянно гитлеровцы защищали Берлин. В результате я остался без дозиметра.

Возникла необходимость поехать в командировку, что я и сделал по простоте душевной. На поверку оказалось: если едешь из командировки в командировку — командировочные не платят. Причем ни по новой командировке, ни по старой (так как ты “из нее” уехал). То есть ни 2 руб. 50 коп. обычных суточных, ни 4 руб. 50 коп. чернобыльских. И второго чернобыльского оклада тоже не положено. Финансист мне об этом ничего не

М. Пронин
“Всюду жизнь...”
Записки
ликвидатора

сказал. А по возвращении на мой удивленный вопрос ответил, глядя оловянными глазами, что полагал, эти тонкости мне знакомы. Очередного коллегу ему подставить уже не удалось.

Всюду люди. Рядом с одними — достоинство и ответственность, а рядом с другими — свинство.

Свинцовые трусы: рождение мифа

В советское время бытовало такое словечко “сюр” — от сюрреализм. Его употребляли, когда хотели сказать или рассказать о фантазмагорической, нереальной жизненной ситуации, но случившейся на обыденном месте.

Развлечений, как я уже писал, практически не было. Вечера летом длинные, и их старались как-то скоротать. В отделе, конечно, смотрели телевизор. Народ же, как правило, играл в домино, в “ЧЧВ” — человек человеку волк, — или в подкидного дурака (услуга для новеньких, кто прибыл в Зону только что). “Старожилы” — кто уже проработал второй, а то и третий срок (обычная командировка — 3 месяца), — запирались в своей комнате. Выходили они оттуда навеселе, внося волну хорошего настроения и вызывая зависть. Народ в Зоне делился на тех, кто мог достать выпивку, и тех, кто об этом только мечтал. Сухой закон в Чернобыле и талоны на водку в стране в то-время задачу добычи алкоголя делали практически нерешаемой. Часам к 22-м желающие собирались и шли в баню. Благодаря старичкам у нас были дефицитные талоны в сауну. Душевое отделение всегда доступно, но удовольствие не то. Сауна небольшая, человек на 12, и зачастую туда тянулась небольшая очередь. Но опять же — старожилы познакомили нас с баншиками, и те разрешили ходить в женское отделение. Женщин в Чернобыле было крайне мало, часам к восьми вечера они все уже сидели дома, и нас можно было спокойно пускать. После сауны я шел спать на “Лодку”. Так проходили вечера.

В один из вечеров я попросил старожилов воспользоваться их комнатой и, получив удивленное согласие, удалился туда со своим новым другом. Картина не могла не вызвать удивление — человек в Зоне всего несколько дней, а уже... Достал по флакончику медицинского коньяка и по паре шариков “Гексавита” и угостил Заслуженного изобретателя СССР. Ни до этого, ни после — я не пил эту божественную гадость. Дело было в принципе: эти негодяи запираются, никого не приглашая, а потом радуются, играя в домино. Хотелось нанести ответный удар — в этом и состоял мой план, созревший в аптеке. Настойки, как известно, семидесятиградусные, поэтому вышли мы с настоящими рожами, покруче старожильских.

День на третий ветераны подошли и предложили посидеть вместе: обе стороны выставляются. Украинский “крэк” — так почему-то в те времена называли местный самогон, — и боярышник — пугающая комбинация. Приняли ее с недоверием,

М. Пронин
“Всюду жизнь...”
Записки
ликвидатора

Ликвидаторы
планируют работу
на промплощадке
ЧАЭС (уровень
излучения до
600 рентген/час)

но на следующий день попросили повторить. Тогда-то все и произошло.

Вечер состоялся. Баня манила.

Зал ожидания — настолько огромный, что несоответствие его размеров пропускным возможностям сауны на дюжину человек вызывало удивление, — был весь заполнен. По стенам стояли шеренги откидных, как в кинотеатрах, стульев. Ни одного свободного места. Мужики сидели молча, суровые, в новенькой форме, что было легко понять по заломам на ней. Иссиня-белые кальсонные пары, армейские вафельные полотенца — ненадеванные, неиспользованные, еще спрессованные от лежания в складских штабелях. Видимо, бросили людей в какое-то пекло и в качестве поощрения оосчастливили походом в сауну. Тогда это была устоявшаяся практика — новенькими закрыть опасный участок, дать “схватить дозу”, а потом “добирать ее до 5 бэр” в оставшиеся месяцы.

— Привет! — обращаемся к банщикам. — Как дела?

— Что, сами не видите?..

— Мужики, давно сидите?

— Давно! — несколько человек отвечают, чертыхаясь хором, и добавляют в сауну:

— Народ, хватит высиживать, выходите! Быстрее надо!

Пока ждешь — хочется побыстрее, а как попал в нее, родимую — забываешься и сидишь, “выгоняешь нуклиды”. Какой-то миф даже был, что они в бане могут выходить с потом.

Из сауны не ответили. Очередь посуровела и замкнулась в себя.

Стоим посреди зала, смотрим.

161

— Ну что, пустите нас в женскую? — обращаемся к банщикам.

— Да идите! — разрешают они.

Наша ватага туда и двинула. Краем глаза я непроизвольно отметил — отдельные представители очереди как-то неосознанно напряглись, глядя на происходящее перед ними.

Попарились, “погоняли нуклиды”, помылись, собрались. Выходим.

Очередь в том же виде. Не поредела, не сдвинулась.

— Мужики, хватанули? — спросил я.

— Да уж не без этого, — ответил кто-то.

— Давно?

— Да только прибыли и сразу в пекло! И тут не слава богу — сидим здесь уже с обеда!

— Да не переживайте, месяца через два и вас будут в женскую баню пускать!

Народ проснулся! Вот их мужское будущее — станут пускать в женскую баню! И это не слова какие-то, а они сами только что видели, как пускают.

Не успел я даже сообразить, как из этой ситуации вырुлить, как кто-то из коллег, уловив неверный пафос моего захода, спрашивает:

— Мужики, а вам свинцовые трусы-то выдали?

Очередь вся встрепенулась, а мы все от неожиданности остановились!

— Какие свинцовые трусы?.. Как свинцовые трусы?.. Где дают?..

— Мужики, выдавать должны по две пары на отделение! Положено! Но они тонкие и быстро снашиваются, поэтому начальство само их носит и никому не дает! Так что требуйте! Будут говорить, что враки, нет таких трусов — не верьте! Зажимают!

— Что за трусы?..

Я с восхищением смотрел на коллег, которые закатывая глаза и шурша пальцами, расписывали про техническое чудо человеческого гения. Признаюсь, в какой-то момент я даже поддался магии рассказа. Трусы из мягкого пыжика чукотских оленеводов произвели бы на меня меньшее впечатление и не вызвали бы столь сильного вожделения.

Всю обратную дорогу коллеги ржали и стыдили меня. Я же отмахивался свинцовыми трусами: не я их придумал, и вообще я имел в виду совершенно другое, когда сказал про женскую баню. Но мне никто не верил.

Я бы про все это не писал, если бы история не получила неожиданное продолжение. Жизнь сильнее самого талантливого сценариста. Каждое новое начальство, приехав и поварившись немного в чернобыльской каше, стремилось внедрять инновации организационного характера. Вот и на этот раз высшее руководство решило собрать ликвидаторов и рассказать им, как “осуществляется ход ликвидационных работ”.

Ч
О
Р
Н
П
Д
И
К
С
С
П
С
П
У
Т
Н
Д
В
В
В
А
П
М
Ж
П
Т
Д
Ч

Чернобыльский Дом культуры был забит под завязку. Разве что в проходах не сидели. Президиум. Доклады начальника ОГГО (оперативной группы гражданской обороны — в просторечии “огого”), начальника штаба, руководителей направлений. Задачи партии и правительства. Карты, цифры, объемы поведенных работ...

Душно. Портяночные газы. Клонит в сон. Наконец про людей — про жизнь. Безопасность, дисциплина, разгильдяйство и залеты: пьянки (где только ее достали?), как в бетономешалке баб в Зону возили и проч.

— И еще один вопрос, — продолжает замполит, — в последнее время пошли разговоры про свинцовые трусы!..

На этой фразе я встрепенулся, содержание и цифры у меня сразу выветрились: “сюр” — пронеслось в голове, — а весь зал прснулся и ожил — человек важное говорит!

— Должен с ответственностью заявить, что нет никаких свинцовых трусов!

— Не ври! — раздалось в ответ из зала.

Докладчик в замешательстве застыл на секунду, но тут же пошел в атаку:

— Кто это сказал?.. Встаньте!

— Встаньте, я вас вижу!.. Вставайте, вставайте! Вот вы! — уверенно тыча рукой в сторону, откуда был возглас.

Но никто не встал.

Начальственный замполитский фокус не удался.

— Так, хорошо! Еще раз заявляю со всей ответственностью — нет никаких свинцовых трусов!

И вновь, но уже из другого угла, повторился дословный ответ!

Кто-то в очередной раз, еле сдерживаясь, рассмеялся, но главное состояло в том, что в зале повисло глубокое недоверие. Миф родился.

Руководитель совещания почувствовал это и перевел разговор на другую тему... Собрание скомканно завершили.

Юмор важен, особенно в подобных условиях. Благодаря ему рождается спасительная сила радости, которая помогает восстановить жизненное равновесие. Для меня лично и баня, и трусы до сих пор живые. Как для любого, кто пережил Великую Отечественную войну — она навсегда живая. И отдаю себе отчет, что я воспитан поколением фронтовиков — их рассказами и историями.

Апрельский блокнот

В комнате, где я жил на лодочной станции — на “Лодке”, — постоянно менялись люди. Она была предназначена для командированных на короткое время. По факту я был там старожилем со всеми вытекающими привилегиями и издержками. Привилегия — выбрать кровать и наблюдать, как соседи адаптируются к новым условиям. Издержки — жить в проходном дворе со всеми вытекающими.

М. Пронин
“Всюду жизнь...”
Записки
ликвидатора

Вот он, очередной новый сосед: подполковник, интендант, в очках, интеллигентного вида, умный. Оказалось — преподаватель одного из военных училищ. Деятельный мужик — пока меня не было, уже взял дозиметр и проверил всю комнату. Выбрал самую чистую кровать с точки зрения уровня радиационного загрязнения. Моя оказалась грязнее грязного.

Сидим, говорим про жизнь, про то, чем каждый из нас в Зоне занят. Делится со мной тем, что и свою одежду проверил: ботинки чистые.

Я по приезде на основную базу в Ирпене три дня был дозиметристом — сменил на этой должности своего друга — Игоря Анатольевича Саренкова. Но судьба сложилась так, что должность сию я оставил. Игорь мне сразу сказал, что обувь — самая чистая часть одежды. Про ванночки с водой перед входом в дом я уже писал. Прежде всего благодаря им.

Самые грязные места — это манжеты на рукавах, ширинка на брюках, обрезы карманов, ну и там где пуговицы. Кожа на руке под часами — пот и грязь.

К удивлению, коллега вскочил и побежал за дозиметром.

К слову, пока он ушел — расскажу про часы.

Накануне поездки в Чернобыль мой хронометр сломался, а ехать без часов “на войну” нельзя. Единственные из тех, что я смог бы взять, были часы деда. Немецкий трофейный брегет “Омега”, хранившийся дома как память. Делать нечего, пришлось вооружиться семейным раритетом, хотя диссонанс карманных часов для жилетки и военной формы был очевиден. Вот такая судьба вещей — часы и на Великой Отечественной послужили, и в Чернобыле побывали. В чернобыльской форме, которую почему-то называли афганкой, большие глубокие карманы были нашиты на передней поверхности бедер: в них я и носил дедовский брегет. А где еще носить карманные часы?

Часы меня не раз спасали: для начальства я был как медом намазан. Дело в том, что на афганке, как и на полевой форме, полагалось носить знаки различия защитного цвета — зеленые звездочки и петлицы. Полевых медицинских петлиц на складе не оказалось, и я, в силу недостаточного жизненного опыта, прикрепил золотые чаши со змеями от повседневной формы. Тем самым, не ведая того, я в глазах разнообразного чернобыльского руководства преобразился в махновца и разгильдяя. Первое время единственным сдерживающим фактором выступало то, что они имеют дело с медиком. А потом я заметил: пока очередной начальник решительно двигался в мою сторону, явно намереваясь провести воспитательную беседу, я доставал из кармана часы и начинал смотреть на циферблат. Увидав брегет, он сначала опешил, а потом разговор либо вообще не состоится, либо пойдет совсем в другом направлении: дед, Вторая мировая, покажи... Механизм такого воздействия мне до конца выяснить не удалось.

Через какое-то время уже многие знали, что у меня дедовские часы времен Великой Отечественной и как-то даже по-

хорошему завидовали или сожалели, что сами до такого не додумались. Но больше всего меня поразил коллега, который после отпуска привез в Зону обычные советские карманные часы. (В Чернобыле тем, кто пробыл три месяца, полагался отпуск 7 дней во время этих трех месяцев плюс 2 недели отдыха дополнительно к очередному отпуску. Еще один штрих к портрету советского тоталитарного государства.) И всем рассказывал, что подсмотрел это у Пронина: мы ведь под часами на коже “радиацию носим”!

Вот и сосед вернулся и стал проверять названные места на своей одежде. Тут-то все и произошло. Над карманом куртки дозиметр взбесился.

Такой свист я уже слышал, когда Игорь Саренков открыл как-то шкаф с журналами учета доз облучения сотрудников Центра, передавая мне все дела. Светило от журналов не подетски. И, как вы понимаете, “лежали” они у дозиметриста, когда с ними работали, в максимально безопасном месте. Можно прикинуть, в каких условиях работали люди, чьи дозы облучения учитывались в этих журналах.

Так вот, в кармане коллеги лежал секретный блокнот для записей. Получил он его в секретке — сокращенное название секретного отдела, — нашего научного центра, и уже добрую неделю колесил с ним по Зоне. Блокнот был начат в конце апреля 1986 года — в первые дни катастрофы. И альфа-, и бета-, и гамма-излучение мы зафиксировали. По-моему, если не изменяет память, тысяч 40 распадов в минуту.

Красивый такой блокнот, лежит на самой чистой в комнате кровати.

— Чего ты его на кровать-то положил? — риторически бросаю я. Смотрю на все это и думаю: минуту назад человек был еще счастлив — самая чистая в комнате кровать, чистые ботинки...

Блокнот перекидывал на тумбочку.

— Как я с ним буду ходить?

— А он тебе нужен?

— Уже нет.

— Так брось его в тумбочку!

— Он же секретный!

— Да кому он тут нужен!

— А вдруг пропадет?

— Ну да, тогда тюрьма...

— Сходи к начальнику управления — я у него сейф видел.

Попроси положить, пока из Зоны не поедешь.

Коллега одевается — идти надо одетым по всей форме, — машинально кладет блокнот в нагрудный карман. Останавливается. Перекладывает в карман брюк. Собирается уходить.

— Чего ты его туда-то переложил? — снова риторически бросаю я.

— Так сердце, облучается же!

— Ну, даешь! А про мужское сердце ты ничего не слышал?

М. Пронин

“Всюду жизнь...”

Записки
ликвидатора

— Это ты о чем?

— Ну, если дети есть, то можно и там...

— Черт!

— Да иди быстрее, неси в руках!

Через пять минут сосед красный, расстроенный, возвращается с блокнотом.

— Ну что?

— Да начальник управления меня... послал и сказал, чтобы я к нему с этим... больше не приходил! Что делать?

Наивный человек мой сосед, наверное, рассказал все как есть. Да и я ему под стать. Но действительно, что делать? Бросить нельзя, носить нельзя...

Но идея пришла. В каком-то закоулке на первом этаже я видел гору портфелей для секретных документов. Сегодня они лежали без нужды, а в 1986—1987 годах это были кошельки: в то время ликвидаторам платили дополнительно по 5 окладов в день, причем выдавали наличными, иногда и рублями. Поэтому-то на вопрос в 1987 году, а не пошлют ли в Чернобыль — мне и ответили, что не мечтай — это как поощрение!

— Вот что, бери портфель, только проверь чистый ли, положи в него блокнот и спокойно ходи. Альфа излучение точно не пробьет, бета может быть, ну а гамма... — все-таки не в карманах!

Сказано — сделано.

Сосед стал ходить с секретным портфелем, озабоченный тем, что возможно переоблучился, и тем, что за этим портфелем надо следить. Потом добавилась еще одна проблема, которой он со мной поделился. Ему хотелось остаться в Зоне — выслуга день за два, а ему, как бывшему гражданскому, это важно. Но с ним об этом никто не хочет разговаривать. Он уже предпринимал несколько попыток.

Через какое-то время я сообразил, в чем причина его неудач.

Представьте, ходит офицер с секретным портфелем, с озабоченным видом, подходит к вам и, начиная издали, спрашивает: “Мужики, а чем это вы тут занимаетесь? Помощь не нужна?..” Каков будет ответ? Вот-вот.

Но я решил гипотезу проверить. Подошел к группе разговаривавших офицеров, не знакомых мне (на “Лодке” я бывал лишь утром и вечером — немудрено никого не знать); и полузаговорщически спросил:

— Вы тут давно?

В ответ услышал весьма недружелюбное:

— А что тебе надо?

— Да вот этого кадра с портфелем не знаете? Кто такой?

Ходит, спрашивает, чем занимаюсь? Какую-то помощь предлагает...

— А, этот! К нам тоже уже подходил. И у нас такой же вопрос...

Повисло молчание. Потом старший из них по званию изрек:
— Хрен его знает кто, но держись-ка от него лучше по-
дальше.

— Я так и почувствовал. Спасибо, мужики.

Мне предложили закурить. Познакомились.

Вот так: общая опасность сближает.

Раскрывать соседу психологическую подоплеку его неудач я не стал. Посоветовал не ждать окончания командировки, а съездить на Большую землю, сдать блокнот, вернуться назад и за оставшиеся дни что-нибудь спокойно найти.

Эффект был поразительный.

Возвращается, заходит в комнату и радостно сообщает:

— Представляешь, не успел с автобуса выйти, как навстречу начальник управления. А где портфель? Сдал, говорю. Значит, свободен? Ну да. Ты-то мне и нужен!..

Но блокнот еще раз повстречался на моем пути.

Я вернулся в Ирпень. Потекла другая жизнь. В один из дней я зашел в секретку. У секретчиков шла передача дел: одна пара — старый и новый, — читали учетные списки, а вторая — также старый — новый, — сверяли их наличие. Слышу:

— Блокнот, учетный номер такой-то.

Старый секретчик дает новому ключи от металлического шкафа и говорит:

— Этот вон там — смотри.

Новый подходит к шкафу, что напротив парапета, за которым стою я, поэтому мне все хорошо видно, с усилием распаивает его массивные створки. Огромный два на два метра шкаф с пятью полками, пустой — лишь на средней полке сиротливо лежит один блокнот. Я его узнаю.

Новый секретчик крутит его в руках и недоуменно спрашивает:

— А чего он здесь один лежит?

— Да 100 или 150 тысяч распадов от него. Посмотри записи — с апреля 86 года блокнотик-то.

— Да, думаю, уже 150!

— Так сожгли бы вы его давно!

— Вот и сжигай!

— А чего не сжечь-то?

— Хочешь радиоактивным дымом подышать?.. Чего стоишь, светишь?

Новенький закрывает шкаф и с испугом и брезгливостью начинает вытирать носовым платком руки. Понимает, что в карман его теперь не засунешь, и ищет куда его положить. На подоконник. Еще раз обтирает руки об штаны.

— Инвентарный номер такой-то! — подгоняет его коллега.

Проверка пошла своим ходом...

Еще раз замечу: я пишу не про себя, а про вещи — часы, петлицы, свинцовые трусы, блокнот, портфель... Для меня они живые, и в прямом, и в переносном смысле слова. Со своей жизненной траекторией и судьбой.

М. Пронин
“Всюду жизнь...”.
Записки
ликвидатора